

ИССЛЕДОВАНИЯ

Международные генетические конгрессы и советские генетики¹

М.Б. Конашев

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова,
Санкт-Петербург, Россия; mbkonashev@mail.ru

Международные генетические конгрессы (МГК), в том числе их труды, являются своеобразной летописью истории генетики, благодаря которой можно получить достаточно адекватное представление о направлениях исследований, актуальных проблемах и дискуссиях в генетике, социально-политических и многих других аспектах ее развития. Особый интерес МГК представляют с точки зрения истории советской генетики. В статье кратко рассматривается история взаимодействия советской генетики с генетикой в других странах, влияние МГК на ее существование и развитие.

Ключевые слова: генетика, международные конгрессы.

Международные научные конгрессы начинают все больше привлекать внимание историков науки и самих ученых, интересующихся историей своей науки или историей проблемы, актуальной для их исследований. Не исключение и международные генетические конгрессы (МГК), труды которых являются своеобразной летописью истории генетики и позволяют получить определенное представление о направлениях исследований, актуальных проблемах и тех дискуссиях, которые они вызывали, а также о многих других аспектах развития генетики, являясь богатым, а подчас и незаменимым источником. Особый интерес МГК представляют с точки зрения истории советской генетики, в частности истории ее взаимодействия с генетикой в других странах, а также

¹ Исследование поддержано Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ). Проект № 09-03-00166а.

влияния международного аспекта на ее существование и развитие. Последнее особенно важно, так как не только в поздний советский период (так называемый «период застоя» и предгорбачевские годы, предшествовавшие перестройке), но и в постсоветские времена считалось, что международный фактор не играл и не мог играть какой-либо заметной роли в любых внутренних делах СССР, включая развитие генетики. При этом как в отечественных, так и в зарубежных монографиях по истории генетики даются ссылки лишь на некоторые труды международных генетических конгрессов (Гайсинович, 1988; Захаров, 1999; Soyfer, 1994) и лишь в нескольких статьях приводится их краткая хронология (Ратнер, 1998; Haynes, 1998). Последняя же даже сама по себе представляет немалый интерес и может быть полезной для тех, кто обращается к истории генетики и науки XX столетия в целом.

Первые три конгресса первоначально именовались и созывались как международные конференции по растениеводству и гибридизации и получили статус международных генетических конгрессов в 1906 г. на очередной встрече генетиков в Лондоне.

1-й МГК состоялся 11–12 июля 1899 г. в Лондоне. Точное число его участников неизвестно, так как никаких данных об этом не публиковалось. Однако приглашения на конгресс были разосланы 125 известным ботаникам и специалистам в области гибридизации, и все интересующиеся также допускались к участию в конгрессе. Кроме того, на банкете присутствовало 130 человек (*Proceedings of the VI International Congress of Genetics, 1932, vol. 1, p. 1*). Хотя некоторые из них, очевидно, не имели прямого отношения к занятиям, которым был посвящен конгресс, эту цифру (130 человек) с соответствующей оговоркой можно принять за число участников конгресса. На конгрессе с докладами выступили 14 человек: 6 — в первый день и 8 — во второй (*Hybrid Conference Report, 1900, p. 3–4*).

2-й МГК проходил с 30 сентября по 2 октября 1902 г. в Нью-Йорке. Всего на конгрессе было зарегистрировано 75 делегатов. За три дня было заслушано 30 и зачитано 13 докладов (*Proceedings of International Conference... 1902*).

3-й МГК снова проходил в Лондоне, с 30 июля по 3 августа 1906 г. Количество делегатов этого конгресса также неизвестно, поскольку их регистрация не проводилась. Однако с определенной достоверностью можно предположить, что так как было разослано около 300 приглашений, количество участников здесь, скорее всего, было не меньше, чем на 2-м МГК (*Report of the III International Conference... 1907*).

Следует отметить, что эти первые три конгресса, хотя и считались международными, по существу являлись англо-американскими. В дальнейшем же, начиная с **4-го МГК**, проходившего 18–23 сентября 1911 г. в Париже (*IV Conference Internationale de Genetique, 1913*), генетические конгрессы приобрели по-настоящему международный характер, хотя лидирующая роль генетиков двух стран — США и Великобритании — сохранилась. На 4-м МГК было зарегистрировано 234 делегата, но количество фактических участников неизвестно. Проведение следующего, 5-го МГК, намечалось на 1916 г. (*Proceedings of the VI International Congress of Genetics, 1932, vol. 1, p. 2*), однако из-за Первой мировой войны было отложено более чем на 15 лет. Этот перерыв оказался своеобразным историческим «водоразделом» между двумя веками истории генетики: периодом становления и периодом последующего развития уже оформившейся науки.

Хотя некоторые предпосылки возникновения генетики складывались в России еще в первое десятилетие XX в., становление и институционализация новой науки проходили все же в советские 1920-е гг., поэтому в первых четырех конгрессах российские ученые не участвовали. Зато именно на **5-м**, а для советских ученых — на первом, МГК,

проходившем 11–17 сентября 1927 г. в Берлине (Германия), их ждал ошеломительный успех. На этом конгрессе было зарегистрировано 966 делегатов из 35 стран, фактически участвовали 903 (Proceedings of the VI International Congress of Genetics, 1932, vol. 1, p. 3), 64 из которых были советскими учеными (Гайсинович, 1988, с. 315). Всего в двух томах Трудов конгресса был опубликован 151 доклад, в т.ч. 14 пленарных и 137 секционных. Из них советским авторам принадлежало 19 докладов, один из которых (Н.И. Вавилова) являлся пленарным (Vavilov, 1927). В контексте истории советского участия в последующих МГК заслуживает внимания следующее утверждение А.Е. Гайсиновича (1988, с. 315–316): «К сожалению, в дальнейшем Советский Союз больше никогда не был столь внушительно представлен на международных генетических конгрессах». Справедливость этого утверждения будет подтверждена ниже.

6-й МГК состоялся 24–31 августа 1932 г. в Нью-Йорке. В его работе участвовало всего 2 советских делегата, и лишь один из них был генетиком (Н.И. Вавилов), другой же (С.М. Саенко) — агрономом. В то же время в программе конгресса было заявлено 17 докладов советских ученых, но 4 из них (Ф.Г. Добржанский, Н.В. и Е.А. Тимофеевы-Ресовские, С.Р. Царапкин) к тому времени находились в просроченных командировках за границей, и соответственно, указывались в программе как представители зарубежных, а не советских учреждений (Proceedings of the VI International Congress of Genetics, 1932, vol. 1, p. 50–67).

В тот момент отсутствие такого большого числа заявленных советских участников не привлекло особенного внимания, поскольку многие делегаты и из других стран не смогли прибыть, а в сообщении о пленарной сессии конгресса 24 августа специально отмечалось (там же, vol. 1, p. 16), что вопрос о выборе места проведения следующего конгресса из-за экономической неопределенности передан на рассмотрение постоянному международному организационному комитету (далее — МОК).

В первом томе Трудов 6-го МГК было напечатано 18 докладов, сделанных на утренних (пленарных) сессиях (Proceedings of the VI International Congress of Genetics, 1932, vol. 1, p. 104–366), в т.ч. доклады Н.И. Вавилова и Н.В. Тимофеева-Ресовского. Во втором томе было напечатано 176 докладов, сделанных на вечерних (секционных) сессиях (ibid, vol. 2, p. 1–218), в т.ч. 9 докладов 8 советских генетиков (автором двух докладов являлся Н.П. Дубинин). Таким образом, 6 докладчиков из СССР (М.С. Навашин, Г.Д. Карпеченко, А.С. Серебровский, Г.А. Левицкий, В.Е. Писарев, А.Ф. Сапегин и В.И. Зосимович), вероятно, не представили текстов своих докладов для публикации, а остальные их все-таки отправили.

Сравнение степени и характера участия советских генетиков в 5-м и 6-м МГК демонстрирует очевидную смену отношения высшей власти в СССР к генетике в целом. Два участника на 6-м МГК против 64 на 5-м, отсутствие 6 текстов докладов, вряд ли дружно не отправленных из-за нехватки времени или каких-то других причин, подходящих для объяснения отсутствия докладов в единичных случаях. К тому же, один из двух советских делегатов — Н.И. Вавилов — постоянно находился в сопровождении двух агентов НКВД (Land, 1973, p. 184). Эта смена отношения власти к генетике затем ярко проявилась в отмене 7-го МГК, который должен был состояться в Москве в августе 1937 г. Вместо Москвы **7-й Международный генетический конгресс** был проведен 23–30 августа 1939 г. в Эдинбурге (Шотландия) (Конашев, 1997; Кременцов, 2005; Левина, 1999). Ни одного советского генетика на этот конгресс не пустили, вполне возможно по той причине, что сталинское руководство знало о предстоящем начале войны Германии против Польши (1939 год... 1990, с. 333).

Следующий, почти 10-летний, перерыв в проведении МГК был вновь вызван войной, теперь уже Второй мировой. Однако, если генетики многих других стран, в первую очередь являвшихся лидерами в этой области науки, смогли приехать на **8-й МГК**, проводившийся 7–14 июля 1948 г. в Стокгольме (Швеция) (Proceedings of the VIII International Congress of Genetics, 1948), советские ученые на него не попали, очевидно потому, что 8-й конгресс проходил в самый канун печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г.

Подготовка к 8-му МГК началась почти сразу после окончания Второй мировой войны. В конце октября — начале ноября 1945 г. Генетическое общество Великобритании провело конференцию в Лондоне, на которую было приглашено несколько генетиков из-за рубежа. Среди них было и несколько членов МОК: Б. Эфрусси (Франция), О. Морр (Норвегия), М.Дж. Сиркс (Нидерланды) и О. Винг (Дания). Являясь президентом МОК, Ф. Крю обсудил с ними, а также с Г.Дж. Меллером, Г. Бонье и А. Мюнцингом, место и время проведения 8-го МГК. В ходе консультаций он сообщил, что во время своего посещения Швеции в 1944 г. убедил шведских коллег предложить МОК провести конгресс там в 1946 или 1947 г. Представители Скандинавии высказались за проведение совместного датско-шведского конгресса в 1947 г. В свою очередь Б. Эфрусси выступил с инициативой, одобренной многими присутствующими, предпринять должные шаги, которые бы позволили советским генетикам выдвинуть СССР как место проведения конгресса. И только в случае отсутствия по какой-либо причине такого приглашения, с чем все согласились, в качестве запасного варианта, будет приветствоваться приглашение от Дании и Швеции. Выполняя это решение, Ф. Крю написал советскому послу в Лондон о желании МОК включить в свой состав представителя СССР и о том сожалении, которое вызовет необходимость принятия решения о конгрессе без помощи и совета советских коллег, а также попросил посла передать эту информацию соответствующему советскому учреждению. В ответ из секретариата советского посольства пришло только подтверждение получения письма Ф. Крю (Proceedings of the VIII International Congress of Genetics, 1948, p. 10–11). Хотя точные даты этого почтового обмена неизвестны, данные события имели место в конце 1945 г., поскольку в мае 1946 г. О. Винг информировал Ф. Крю о том, что из-за проведения в 1947 г. в Копенгагене Международного микробиологического конгресса Дания не может стать местом проведения 8-го МГК ни в 1947, ни даже в 1948 г. 18 августа 1946 г., после принятия Ф. Крю предложения Г. Дахлберга, шведского члена МОК, провести 8-й МГК в 1948 г. в Швеции, был учрежден организационный комитет 8-го МГК. Этот комитет пригласил Г.Дж. Меллера стать президентом, а Г. Федерлея — вице-президентом конгресса (ibid, p. 11). Неизвестно также, выполнил ли просьбу Ф. Крю советский посол в Лондоне и поступал ли вообще в АН СССР (Президиум или Лысенковский Институт генетики) какой-либо документ из советского посольства. Поэтому можно только гадать о причине этого молчания. Было ли оно результатом происков Т.Д. Лысенко, к которому теоретически могло попасть либо письмо самого Ф. Крю, либо соответствующий запрос из посольства с копией этого письма или без таковой и который хорошо понимал, чем для него может обернуться МГК в Москве? Или отсутствие ответа было обусловлено политическим решением на более высоком, возможно, самом высоком, уровне, которое было спровоцировано началом «холодной войны»? Как бы то ни было, советские генетики были лишены всякой возможности не только провести взамен 7-го 8-й МГК у себя дома, но и вновь принять участие в Международном генетическом конгрессе.

Мировому генетическому сообществу организационным комитетом (МОК) 8-го МГК было разослано три циркуляра, датированных мартом 1947, декабрем 1947 и июнем 1948 г. (Proceedings of the VIII International Congress of Genetics, 1948, p. 11).

В своем выступлении на пленарной сессии конгресса М. Демерец, член МОК, напомнил о сложной истории 7-го МГК, не вникая, однако, в какие-либо детали и ограничившись ссылкой на то, что эта история изложена в Трудах 7-го МГК. Упомянул он и безуспешные попытки Ф. Крю, чьи обращения не получили никакого ответа из различных учреждений в СССР (*ibid.*, p. 84, 85).

Возможно, именно это упоминание, либо напоминание о том, что 7-й МГК не удалось провести в Москве, вызвало заявление участников конгресса из Болгарии, Чехословакии, Польши и Югославии, зачитанное на второй пленарной сессии конгресса А. Макаревизовой, в котором говорилось, что делегаты от этих стран «не согласны с некоторыми утверждениями, сделанными в выступлении Президента 8-го Международного генетического конгресса, которые не способствуют международному научному сотрудничеству ... но, напротив, могут привести к разьединению» (*ibid.*, p. 93).

В то же время выступавший перед этим заявлением генеральный секретарь конгресса, Г. Бонье, касаясь периода, прошедшего между 7-м и 8-м конгрессом, отметил, что это были, по его мнению, самые несчастные для мира годы, и, не называя стран, упомянул две практики неправильного использования генетики, которые легко могли быть идентифицированы присутствующими как национал-социализм в Германии и лысенкоизм в СССР. Подразумевалась неверная интерпретация принципов генетики для мотивации самого ужасного уничтожения людей в одном случае и неверная интерпретация научных идей как основа для ошибочной и фальшивой пропаганды (*ibid.*, p. 83) в другом. Далее Бонье подчеркнул исключительную важность абсолютной свободы общения и персональных контактов, выразив надежду, что конгресс благодаря своему интернациональному характеру будет способствовать достижению высокой цели науки — обретению человеком материальной и духовной свободы (*ibid.*, p. 83–84).

На первой пленарной сессии 8-го МГК был избран комитет для выдвижения кандидатур в МОК на следующий межконгрессионный период. В его состав вошли А. Густафсон, К.А. Круг, К. Мазер и Л.Х. Снайдер (Proceedings of the VIII International Congress of Genetics, 1948, p. 86). На второй пленарной сессии был избран новый МОК из 13 человек в составе: А. Дрейфус (Бразилия), С.С. Тан (Китай), Г. Бонье (от Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции), Д. Костов (все восточноевропейские страны, кроме СССР), Б. Эфрусси (Франция), Г. Штуббе (Германия), Э.Б. Форд (Великобритания и доминионы), М.Дж. Сиркс (Голландия и Бельгия), Г. Монталетти (Италия), Х. Кихара (Япония), А. де Жулета (Испания), Е. Хадорн (Швейцария и Австрия), М. Демерец (США) (там же, p. 88–89). Одновременно было принято решение представить кандидатуру в члены МОК от СССР позднее ввиду отсутствия возможности сделать это на конгрессе.

Сразу после второй пленарной сессии новый МОК провел свое первое заседание, избрав президентом Г. Бонье, которому было поручено письменно обратиться к соответствующим официальным лицам Советского Союза с предложением выдвинуть кандидатуру в члены МОК от СССР. Однако в свете того, «что затем случилось с генетикой в России», т.е. в результате августовской сессии ВАСХНИЛ того же 1948 г., такой шаг Г. Бонье не был предпринят (*ibid.*, p. 89). Таким образом, эта сессия, а точнее Т.Д. Лысенко и его партийно-государственные покровители, лишили советских генетиков возможности иметь своего члена в первом послевоенном МОК.

Кроме того, на первой пленарной сессии по предложению М.Дж. Сиркса, президента Международного союза биологических наук (далее — МСБН) МОК (в его же лице) выдвинул резолюцию, предусматривающую следующее: 1) конгресс присоединяется к МСБН в качестве секции генетики МСБН; 2) конгресс соглашается с тем, что МОК трансформируется в Бюро этой секции; 3) конгресс уполномочивает Бюро определить организацию секции, ее правила и необходимые шаги по ее активизации (Proceedings of the VIII International Congress of Genetics, 1948, p. 87). Поскольку эта инициатива встретила возражения со стороны Р.А. Фишера (*ibid*, p. 87–88), президент МОК М. Демерец предложил создать комитет, который бы вынес на вторую пленарную сессию резолюцию по этому вопросу. В этот комитет были избраны: Р.А. Фишер, М.Дж. Сиркс, М. Демерец, Б. Эфрусси и Л.Х. Снайдер (*ibid*, p. 88).

На второй сессии Р.А. Фишер от имени этого комитета предложил резолюцию, одобренную сессией, по которой МОК получал право либо учредить Международный генетический союз (International Union of Genetics, IUC), напрямую присоединенный к Международному совету научных союзов (International Council of Scientific Unions, ICSU), либо временно до следующего конгресса учредить себя как Бюро секции генетики (Bureau of a section of Genetics) в МСБН (*ibid*, p. 89).

В своем выступлении на конгрессе Г.Дж. Меллер большую часть своей речи, имевшей подзаголовок «Генетика в отношении к современным обществам» (Proceedings of the VIII International Congress of Genetics, 1948, p. 104–110), посвятил критике отношения к генетике в СССР. Отметив вначале бесспорные и небывалые достижения в поддержке науки в СССР (*ibid*, p. 105), далее Меллер подробно разобрал «армейский» режим управления наукой, сожалея, что генетика «рассматривается господствующей группой официальных лиц как ужасная ересь», и назвал «героические и трагические» имена жертв такого отношения власти к генетике: Н.И. Вавилова, Ю.А. Филипченко, С.С. Четверикова, Г.Д. Карпеченко, С.Г. Левита, И.И. Агола, Ю.Я. Керкиса, В.П. Эфроимсона, Л.В. Ферри, А.С. Серебровского, Г.А. Левитского, а также указал на многих генетиков, чьи имена неизвестны (*ibid*, p. 106). Более того, Г.Дж. Меллер фактически определил форму политического строя в СССР как авторитаризм, а официальный «диалектический материализм» как навязанную массам в СССР и подконтрольных ему странах доктрину, служащую интересам тех немногих во власти, кто абсолютно контролирует науку, образование и саму жизнь (*ibid*, p. 106). В заключение Меллер заявил, что в СССР «само существование генов отрицается, а открытое использование этого слова теперь опасно» (*ibid*, p. 108). В добавленном в уже напечатанный текст примечании к данной фразе, датированном 31 августа, Меллер кратко обрисовал итоги и последствия для генетики августовской сессии ВАСХНИЛ (*ibid*, p. 108–109).

Не участвовали советские генетики и в 9-м МГК в 1953 г. в Белладжо (Италия). МОК выбрал его как место проведения конгресса уже в Стокгольме и в 1949 г. разослал первый циркуляр (Proceedings of the IX International Congress of Genetics, 1954, p. 18). На конгрессе присутствовало 863 делегата из 39 стран, но из СССР не было ни одного. Во все восточноевропейские страны (как и вообще во все страны за «железным занавесом») были посланы приглашения, но никакого ответа получено не было (*ibid*, p. 18). Тем не менее при выборе нового МОК в количестве 15 человек одно место из пятнадцати осталось незанятым (представителя СССР).

Из предложения секретаря МОК, профессора Монталетти, на второй пленарной сессии конгресса одобрить деятельность генетической секции МСБН (*ibid*, p. 20)

следует, что таковая была учреждена МОК. В то же время Монталетти поставил перед сессией первым следующий вопрос: должен ли МОК действовать как секция генетики МСБН или следует предпринять шаги с тем, чтобы образовать отдельный Международный союз генетиков, как это было предложено Р. Фишером на конгрессе в Стокгольме. Сессия одобрила первое предложение (*ibid*, p. 20).

На **10-м МГК** в 1958 г. в Монреале (Канада) появилась наконец-то и советская делегация, но состоящая... исключительно из девяти лысенковцев. Ее возглавил В.Н. Столетов (*Proceedings of the X International Congress of Genetics*, 1958, p. 28–29). Кроме того, в состав делегации входило еще два человека: секретарь В.А. Федорович и переводчик Т.А. Гусикова (*ibid*, p. 43). Все они являлись официальными делегатами конгресса от Академии педагогических наук СССР. В составе ни одной другой делегации секретарь и переводчик официально не значились.

Таким образом, ни один из настоящих генетиков на конгресс не попал, хотя в Трудах конгресса все же были опубликованы резюме 27 советских авторов. Некоторые из них представили по два резюме: Б.Л. Астауров, Р.Л. Берг, Е.В. Герасимова-Навашина, М.С. Навашин, А.Р. Жебрак (*ibid*, p. 66–71). В отличие от довоенного времени ни один советский делегат не вошел ни в один из комитетов конгресса *ibid*, p. VIII–IX).

Всего на МГК было представлено 50 стран, зарегистрировано 1309 делегатов, 71 из которых на конгресс не прибыл (*ibid*, p. 44).

Выступая на церемонии открытия конгресса, президент МОК К. Бариготци среди результатов деятельности организационного комитета назвал, в частности, разработку новых правил выборов членов МОК, которые он выносил на обсуждение конгресса (*ibid*, p. 9). Бариготци счел необходимым особо поблагодарить за очень активную работу секретаря МОК — профессора И.М. Лернера. Можно предположить, что именно Лернер, симпатизируя советским генетикам, способствовал их приглашению на конгресс.

Позднее эти новые (фактически первые формальные) правила были оглашены И.М. Лернером и одобрены конгрессом (*ibid*, p. 19–20). Необходимость их принятия была вызвана тем, что по решению предыдущего конгресса МОК стал частью МСБН. Согласно первому пункту правил МОК (генетическая секция МСБН), как и раньше, избирается МГК и действует со дня своего избрания до момента избрания нового МОК. Третий пункт правил подтверждал сложившуюся практику избрания членов МОК: по одному от каждой страны, с учетом количества профессиональных генетиков и наличия профессиональных объединений. Следующий пункт предусматривал, что покидающие МОК члены запрашивают национальные или региональные генетические общества, которые по этим запросам выдвигают кандидатуры в МОК для принятия на предстоящем конгрессе. В случае, если по тем или иным причинам не будет выдвинуто ни одного кандидата, МОК по уже сложившейся практике либо оставляет место вакантным (как это уже было с СССР), либо просит президента конгресса созвать номинационный комитет, делающий доклад на конгрессе. Согласно пункту 8 вакансию может заполнить сам организационный комитет, имея кандидатуру национального или регионального общества, что и было сделано МОК в отношении СССР.

По предложению номинационного комитета из трех человек (Я. Синото, М. Вестергард, И.М. Лернер), назначенного С. Райтом, в МОК было решено избрать 20 членов. Из них выбрали 18, оставив 2 вакантных места: 1 — для арабских стран и 1 — для Китая (*ibid*, p. 20–21). От СССР, очевидно, не без содействия И.М. Лернера, являвшегося председателем номинационного комитета, в члены МОК была выдвинута кандидатура Н.П. Дубинина.

Новый МОК, с энтузиазмом рассмотрев предложение немецких генетиков (в состав МОК был избран Г. Штуббе из ГДР), проголосовал за то, чтобы 11-й МГК прошел в Германии, в месте, которое определяют приглашающие. Кроме того, МОК одобрил (Г. Штуббе воздержался и Н. Пафасарафи отсутствовал) резолюцию о научной свободе, предложенную М. Вестергардом, не для действий, но для информирования, прямо вызванную отсутствием на конгрессе нескольких советских генетиков. Резолюция начиналась констатацией именно этого: «Постоянный международный комитет генетических конгрессов считает своим долгом выразить глубокую озабоченность в связи с тем фактом, что ряд советских генетиков, представивших тезисы своих докладов на 10-й Международный генетический конгресс, не смог появиться в Монреале. Комитет выражает также глубокое сожаление в связи с отсутствием на Конгрессе представителей ряда других стран. Комитет выражает свои глубочайшие симпатии и посылает свои теплейшие приветия всем ученым, которые не были допущены на Конгресс их правительствами» (Proceedings of the X International Congress of Genetics, 1958, p. 21). Ссылаясь на соответствующую резолюцию 9-го МГК, МОК далее призывал все правительства в мире позволить ученым осуществлять путешествия с научной целью безотносительно к их расовой, национальной, религиозной, политической принадлежности и безотносительно к тому, «являются ли их научные взгляды и работы в согласии с любой официальной правительственно проводимой политикой и идеологией». Резолюция заканчивалась утверждением, что политика, предотвращающая такие поездки, является «серьезным нарушением основных принципов исследования» и означает «конец научной свободы и поэтому также научного прогресса» (ibid, p. 21).

Кроме того, генеральным секретарем Конгресса профессором Дж. Бойсом были оглашены две резолюции об опасностях радиации: американской и советской делегаций (предлагавшаяся также резолюция делегатов ЧССР была снята в пользу американской). После краткого обсуждения резолюция Американского генетического общества была одобрена конгрессом. В ней говорилось об опасности радиации для настоящего и будущих поколений, содержался призыв ко всем, от кого это зависит, снизить источники радиационного излучения и подчеркивалась необходимость дальнейших исследований последствий воздействия радиационного излучения на наследственность человека, в том числе с целью установления контроля за таким воздействием. В достаточно пространной резолюции советской делегации фактически содержался призыв откликнуться на обращение ВС СССР о запрещении испытаний атомного оружия в марте 1958 г. Хотя американская резолюция считалась слишком умеренной, советская делегация обещала к ней присоединиться, если она будет поддержана остальными делегатами Конгресса.

В Трудах конгресса было опубликовано 590 резюме, на конгрессе было проведено 7 симпозиумов (Proceedings of the X International Congress of Genetics, 1958, p. 10). Согласно данным генерального секретаря конгресса Дж. Бойеса, на конгрессе зарегистрировалось 1238 членов и 350 ассоциированных членов, всего 1588 участников из 47 стран (ibid, p. 23).

На специальном заседании в Университете Монреаля 21 августа почетная степень доктора *honoris causa*, вместе с профессором К.Х. Уодингтоном, была присуждена и бывшему советскому генетику Ф.Г. Добржанскому (ibid, p. 15).

Уже после окончания МГК генеральному секретарю конгресса от имени советской делегации было вручено открытое письмо с требованием опубликовать его в Трудах конгресса, что и было сделано (ibid, p. 28–29). В письме отмечалось, что в день прибытия советской делегации в Монреаль в “Gazette” появилось утверждение, что

«ряд докладов советских ученых предположительно был отменен из-за их несовпадения с официальной правительственной политикой». В ответ на это в письме указывалось, что в ходе конгресса ряд докладов генетиков из других стран также был отменен, но «этот факт не привлек никакого внимания, тогда как неприбытие некоторых советских ученых было превращено в сенсацию». По утверждению авторов письма, ближе к концу конгресса им стало ясно, что «некоторые из ведущих членов предыдущего Постоянного международного комитета были первоисточником такой интерпретации их неприбытия». Далее говорилось, что в резолюции МОК делается особый упор на отмену некоторых советских докладов и «это не помогает объединению ученых разных стран». В связи с неоднократным упоминанием имени Т.Д. Лысенко в прессе авторы письма заявляли, что «биологи из разных стран, посещающие Советский Союз и желающие встретиться с профессором Лысенко для того, чтобы обсудить с ним проблемы генетики, всегда радушно им принимаются». В заключение, в пику резолюции МОК, утверждалось, что Советский Союз основывает свое международное сотрудничество на том принципе, что «каждый ученый имеет право на свободное занятие наукой и свободное распространение научной информации».

Отсутствие советских генетиков на трех конгрессах подряд (7, 8 и 9-м) один из лысенковцев, И.Е. Глушенко, объяснял позднее следующим образом: «Советские генетики около четверти века не принимали участия в международных генетических конгрессах. Не принимали потому, что, как уже упоминалось выше, основное содержание работы прошлых конгрессов, превращавшихся в трибуну для проповеди расистских и мальтузианских идей, было чуждо нашей науке. Участие советских генетиков в Монреальском конгрессе объясняется изменением обстановки в зарубежной генетике, пересмотром ряда ее исходных позиций. Характерно, что в приглашении советских генетиков на конгресс самую активную роль сыграли ведущие ученые Канады, США, Франции и Японии» (Глушенко, 1959, с. 10).

Настоящим советским генетикам все же удалось попасть на **11-й МГК**, проходивший 2–10 сентября 1963 г. в Гааге (Нидерланды) (*Genetics Today. Proceedings of the XI International Congress of Genetics, 1963, vol. I–III*). Всего в состав советской делегации входило 20 ученых (*ibid*, vol. II, p. 1005–1066), часть которых была лысенковцами или бывшими лысенковцами. В Трудах конгресса было напечатано 49 докладов 75 советских генетиков. При этом ни на пленарных сессиях, ни на симпозиумах не было ни одного доклада советского генетика (*ibid*, vol. II, p. VII–XIII). Ф.Г. Добржанский сделал на конгрессе доклад «Эволюционная и популяционная генетика» (*ibid*, vol. II, p. LXXI), а также выступил на 15-м симпозиуме «Популяционная генетика: генетическое разнообразие» с докладом «Генетическое разнообразие и приспособленность» (*ibid*, vol. III, p. 541–552).

Почетным президентом конгресса был М.Дж. Сиркс, президентом — Е. Хадорн. Из 13 вице-президентов один был советским — Н.П. Дубинин и два американскими (единственная страна с двумя вице-президентами) — Б. МакКлинтон и С. Райт (*ibid*, vol. III, p. XXIV).

Первоначально было принято решение провести 11-й МГК в Германии, но поскольку возникли непреодолимые трудности, в 1961 г. было принято приглашение Биологического совета Нидерландской академии наук, поддержанное Нидерландским генетическим обществом, провести конгресс в Гааге *ibid*, vol. II, p. XXXII).

В своей речи в качестве президента генетической секции МСБН Дж.У. Бойес вновь высказал идею о том, что создание Международного генетического союза усилит позиции генетической секции в рамках МСБН и вне его (*ibid*, vol. II, p. XXXII). С этой целью он попросил президента конгресса Е. Хадорна назначить комитет для

рассмотрения вопроса и вынесения предложения на заключительную сессию (*ibid*, vol. II, p. XXXIII). Это предложение было рассмотрено на заседании генетической секции 3 сентября, но ни к какому определенному решению прийти так и не удалось, о чем Дж. Бойес сообщил на заключительной сессии конгресса, состоявшейся 10 сентября (*ibid*, vol. II, p. XL).

В этой же речи Бойес затронул вопрос выполнения резолюции о свободе науки, принятой предыдущими (9-м и 10-м) конгрессами. Отметив, что не так просто найти страну, готовую принять такое хлопотное и дорогостоящее мероприятие, как Международный генетический конгресс, Бойес считал необходимым указать также на то, что не знает ни одной страны, которая бы соответствовала строгой интерпретации этой резолюции, и на то, что требование пересмотреть иммиграционные правила так, чтобы все генетики могли присутствовать на конгрессах, может привести к ситуации, когда не окажется приглашений от стран и придется отменить всю программу международных генетических конгрессов. Выражая симпатию усилиям, направленным на уменьшение жесткости ограничений, он в то же время фактически призывал быть реалистами или прагматиками и не рассчитывать на то, что генетики могут диктовать своим правительствам, какую политику в этой сфере им проводить (*ibid*, vol. II, p. XXXII). По этому пункту генетическая секция на заседании 3 сентября все же высказалась за то, чтобы оргкомитет конгресса сделал все возможное, в соответствии с резолюцией 9-го и 10-го МГК (*ibid*, vol. II, p. XLII). Таким образом, Бойес фактически признал зависимость генетических сообществ от тех национальных режимов, и от того всемирного (в современных терминах — глобального) режима, в которых они существуют. Косвенно это означало признание политической односторонности резолюции о научной свободе 9-го и 10-го МГК, диктовавшейся тем фактом, что в так называемом двуполярном (по современной терминологии) мире, перевес грубой силы был все же на стороне одного, западного, полюса, что и приводило к трактовке многих принципов в его пользу. Если бы этот перевес был на стороне так называемого «коммунистического блока», была бы принята какая-то другая резолюция, например с осуждением маккартизма в США или преследований коммунистов в странах «западной демократии».

Следует отметить, что в своей речи Бойес произнес несколько слов приветствия делегатам конгресса от имени генетической секции на трех языках, одним из которых (помимо французского и английского) был русский, причем содержательно приветствие на русском отличалось от двух других (*ibid*, vol. II, p. XXXIV–XXXV).

На конгрессе было зарегистрировано 1594 полных члена, 309 — ассоциированных и 157 студентов. Это было на 25 % больше, чем на Монреальском конгрессе в 1958 г. и на 100 % больше, чем на конгрессе в Белладжио в 1953 г. Количество стран выросло с 39 в 1953 г. до 52 в 1963 г. (*ibid*, vol. II, p. XXXVI–XXXVII).

На заседании генетической секции 3 сентября было сделано три предложения по месту проведения следующего 12-го МГК. Дж. Бойес огласил приглашение Английского королевского общества провести МГК в Оксфорде, профессор Бриегер от имени Генетического общества Бразилии предложил провести МГК в Бразилии, и наконец, профессор Мориваки внес предложение о проведении МГК в Токио или Киото, которое и было принято (*Genetics Today... 1963*, vol. II, p. XL). Кроме того, было принято формальное приглашение АН ЧССР провести Симпозиум памяти Менделя в Брно в 1965 г., что серьезно способствовало «прорыву» советских генетиков за рубеж, пусть и в социалистические страны.

На пленарной сессии конгресса 10 сентября, помимо оглашения вышеупомянутых решений генетической секции, профессор Хадорн предоставил слово профессору Павану для оглашения правил выбора будущей генетической секции и предлагаемого списка ее 18 членов, четыре из которых ввиду отсутствия предложений из стран были названы самим комитетом по кандидатурам. В число этих четырех, наряду с Г. Штуббе (Германия), А. Превошти, В. Христидисом (Южная Европа) и Н. Фрейр-Майя (Южная и Центральная Америка), входил и Б.Л. Астауров от СССР (*Genetics Today...* 1963, vol. II, p. XLII–XLIII). Имя последнего (формально — процедура номинации) вызвало возражения со стороны Х.Ф. Кушнера, предложившего ввиду отсутствия в СССР Генетического общества оставить этот вопрос на рассмотрение Академии наук СССР (*ibid*, vol. II, p. XLIII). На это возражение Паван ответил, что хотя он уважает Академию наук СССР, из правил не может быть сделано исключений и кандидат должен быть назван во время заседания. Кушнер в свою очередь попросил процедурной отсрочки в два месяца, чтобы решить вопрос о кандидате. Тогда Лернер заявил, что в данном случае Академия не правомочна решать этот вопрос и правила МСБН не следует менять. После чего Хадорн поставил вопрос на голосование и предложение Лернера, а не Кушнера было принято 57 голосами против 22. Таким образом, состав генетической секции был утвержден и советские генетики благодаря помощи своих западных коллег одержали очень важную победу над лысенкоистами. Теперь никто и ничто уже не могло вывести Б.Л. Астаурова из состава генетической секции МСБН. Не в пользу лысенкоистов оказалось и их невежество, в данном случае незнание с правилами выбора Генетической секции, утвержденными на предыдущем конгрессе. Последнее, возможно, было обусловлено не только незнанием ими иностранных языков, но и обычной ленью и привычкой перекладывать рутинную работу (в данном случае знакомство с материалами конгресса) на других, в частности на младший, «подручный» персонал (*ibid*, vol. II, p. 1005–1066, 1067–1069).

12-й МГК, состоявшийся 19–28 августа 1968 г. в Токио (Япония) (*Proceedings of the XII International Congress of Genetics*, 1968, vol. I–III) был очень удачным для советских генетиков. Во-первых, по числу делегатов (63), советская делегация практически сравнялась с делегацией на 5-м (Берлинском) конгрессе. Правда, из этих 63 человек 6 не смогли принять участие в конгрессе (*ibid*, vol. III, p. 515). Во-вторых, в Трудях конгресса было напечатано 83 тезиса советских авторов, из них 43 тезиса с несколькими авторами, и в целом были напечатаны тезисы 148 советских авторов, в том числе: из Ленинграда — 33 автора, Москвы (включая Обнинск) — 61, Новосибирска — 23, других городов — 31 (*ibid*, vol. I, p. 341–354).

Почетным президентом конгресса был Джордж У. Бидл, открывший своим выступлением «Генетика в 1968» пленарную сессию (*ibid*, vol. II, p. 1), президентом — Х. Кихара (Hitoshi Kihara), выступивший с докладом «История биологических и других наук в Японии в ретроспективе» (*ibid*, vol. II, p. 2–3). На заключительной сессии с одним из трех докладов — «Классификация потенциальных генетических опасностей» — выступил Н.П. Дубинин (*ibid*, vol. II, p. 6–7). В примечании к названию доклада Дубинина и некоторых других докладов отмечено: «пробное название». Среди приглашенных лекторов не было ни одного советского. Ф.Г. Добржанский прочел лекцию «Эволюция человечества в свете популяционной генетики» (*ibid*, vol. II, p. 21).

Не особенно блистали советские генетики и на малых симпозиумах. Перечень их выступлений весьма невелик. С.М. Гершензон выступил с докладом «Мутагенное действие некоторых биополимеров на *Drosophila*» на 11-м симпозиуме «Молекулярные

аспекты мутаций» (Proceedings of the XII International Congress of Genetics, 1968, vol. II, p. 130–133). С.И. Алиханян выступил с докладом «Дальнейшее селекционное и генетическое изучение штаммов *M. glutamicus*» (ibid, vol. II, p. 248–250). Таким образом, с докладами выступили только 2 советских генетика из общего количества 126 докладчиков на 25 малых симпозиумах.

На 12-м МГК была учреждена Международная генетическая федерация (далее — МГФ) как международный союз генетических обществ, призванная функционировать как генетический отдел МСБН (Proceedings of the XIII International Congress of Genetics, 1974, p. 13).

В период, предшествующий 13-му конгрессу, МГФ разработала свою конституцию, сначала одобренную советом представителей, затем ратифицированную делегатами следующего 13-го МГК на пленарной сессии (ibid, p. 13). Текст этой конституции был опубликован в Трудах 13-го МГК (Proceedings of the XIII International Congress of Genetics, 1974, p. 14–16). За МОК осталась главная и зачастую единственная задача: взаимодействие со страной, организующей следующий конгресс. Функции МГФ оказались шире задачи организации очередного МГК, хотя эта задача оставалась главной (ibid, p. 13). Так, во время 13-го МГК МГФ организовала или спонсировала проведение следующих мероприятий: 5 бизнес-сессий, 2 генетических форума («Генетическая номенклатура» и «Преподавание генетики и генетические исследования в развивающихся странах») и приветственная сессия.

На 13-м МГК в 1973 г. в Беркли (США) (Proceedings of the XIII International Congress of Genetics, 1973, 1974, 1975) делегатов от СССР было вдвое меньше, чем на предыдущем конгрессе. Согласно данным регистрации, в нем приняли участие 36 советских генетиков, а один из членов советской делегации был зарегистрирован как студент (ibid, 1974, p. 11). Примерно такое же количество генетиков (около 10–30 человек) приняло участие от Австралии (26), Бразилии (24), Франции (33), Индии (20), Израиля (20), Италии (25), Нидерландов (31), Швеции (17) и Испании (11) (Proceedings of the XIII International Congress of Genetics, 1974, p. 10–11). Впереди по количеству делегатов оказались Япония (71), Западная Германия (47), Великобритания (84), Канада (105) и, конечно же, США (1068). Таким образом, советская генетика по данному показателю именно на этом конгрессе переместилась из группы лидеров в группу «среднячков» (ibid, 1974, p. 10–11).

Президентом 13-го МГК был К. Штерн, генеральным секретарем — С.У. Браун. Председателем Национального комитета из 10 человек являлся М.М. Грин, председателем Программного комитета из 8 человек — Ш. Вольф, председателем организационного комитета из 11 человек — У.А. Нельсон-Риз, редакторами Трудов конгресса — Э.А. Карлсон, фактически главный редактор (именно его предисловие как редактора было опубликовано в 1-м томе симпозиумов), Л.М. Маккомбс и Д.Р. Стадлер (ibid, 1974, p. 7). Таким образом, на этом конгрессе советские генетики не попали ни в один комитет конгресса.

На 21-м симпозиуме конгресса «Генетика поведения» не было сделано ни одного доклада советского генетика (Proceedings of the XIII International Congress of Genetics, 1975).

Вечером 23 августа 1973 г., сразу после пленарного симпозиума, состоялась первая бизнес-сессия конгресса. Новый совет представителей, состоящий из членов, назначенных генетическими обществами, провел свое первое заседание также 23 августа, избрав новый исполнительный совет на период 1973–1978 гг., в состав которого (8 человек)

вошел и представитель СССР — Н.В. Турбин. От США в совет вошел С.У. Браун в качестве президента и Дж.В. Нил в качестве лица, отвечающего за связь с оргкомитетом Международных конгрессов по генетике человека (Proceedings of the XIII International Congress of Genetics, 1974, p. 13–14).

Включение Н.В. Турбина в совет было несомненной удачей, однако еще большим успехом было решение конгресса о передаче рекомендации МГФ принять предложение СССР провести 14-й МГК в Москве в 1978 г. на окончательное решение новоизбранному исполнительному совету. На заседании этого совета 28 августа приглашение СССР было официально принято. Помимо советского, было еще два приглашения — от Австралии и Бразилии. Возможно, в пользу принятия советского предложения сыграло то прагматическое обстоятельство, что поскольку 12-й МГК проходил в Японии, а 13-й — в США, многие европейские члены совета представителей возражали против проведения 14-го конгресса далеко от Европы. Кроме того, во время своего заседания совет представителей получил заверения в том, что страна, приглашающая следующий конгресс, изыщет средства для посещения конгресса молодыми генетиками, а также не будет препятствовать участию в конгрессе генетиков из любой другой страны (*ibid*, 1974, p. 14).

Впрочем, как почти всегда бывало в советской истории, эта бочка меда не обошлась и без ложки дегтя. Случилось это по вине самой советской стороны, но, разумеется, не генетиков, а властей. Б.Л. Астауров, специально приглашенный для представления президента конгресса Курта Штерна на приветственной сессии, как было объявлено, «к сожалению, не смог принять участие в конгрессе из-за болезни», и доктор Г. Мелчер любезно согласился заменить Астаурова (*ibid*, 1974, p. 19).

Относительным успехом советских генетиков на этом МГК было также количество опубликованных в Трудах конгресса тезисов — 27, причем 6 были расположены не по алфавиту, а в дополнительном разделе, так как не были получены вовремя (Proceedings of the XIII International Congress of Genetics, 1973, p. 333).

14-й МГК, прошедший 21–30 августа 1978 г. в Москве под девизом «Генетика и благосостояние человечества» (Генетика и благосостояние человечества, 1981; Молекулярные основы генетических процессов, 1981; Вопросы общей генетики, 1981) явился своеобразным триумфом советской генетики. С одной стороны, наконец-то, после 41 года отсрочки, МГК прошел в Москве. Академик Д.К. Беляев был избран президентом Международной генетической федерации (МГФ) на 5 лет. С другой уже не политические причины, а смерть не позволила принять в конгрессе участие таким столпам отечественной генетики, как Ф.Г. Добржанский, Б.Л. Астауров и многие другие. И, пожалуй, самое важное — несмотря на внешний успех, подчеркиваемый официальной пропагандой, после этого конгресса участие советских генетиков в МГК пошло резко на спад, который лишь усилился в постсоветский период². Одним из примеров этого является вхождение советских генетиков в руководящие органы **15-го МГК**. Президентом исполнительного комитета Международной генетической федерации стал индийский генетик В.Л. Чопра. Кроме него в состав комитета из 7 человек вошли: П.Р. Дей (Англия) — секретарь, Х.Л. Карсон (США) — казначей, О.Г. Франкель (Австралия), О.С.А. Аромозе (Нигерия), К.С. Такахаша (Бразилия) и Т. Ино (Япония). Всего один

² Краткая информации о конгрессах конца XX в. приведена в Приложении. Строго говоря, советских генетиков на последних из них быть не могло ввиду прекращения существования СССР.

советский генетик — В.А. Струнников — входил в состав 13 почетных вице-президентов конгресса. От США было три представителя: Б. МакКлинток, С.Е. Лурия и К. Яновски (С. Yanofsky), от других стран — по одному. Среди 11 вице-президентов советского представителя не было. В программном комитете из 23 человек советского представителя тоже не было (Proceedings of the XVI International Congress of Genetics, 1988, p. III). Еще одни советский генетик — С.Г. Инге-Вечтомов — вошел в состав Международного совещательного программного комитета из 22 человек (ibid, p. IV). В этом комитете было 8 представителей США, 3 представителя Великобритании, 2 представителя Японии и по 1 представителю ФРГ, Венгрии, Италии, Франции, Бразилии, Индии, Австралии и Китая. В томе резюме было опубликовано всего 7 резюме советских генетиков, причем все 7 были стендовыми.

Приложение Международные генетические конгрессы в XX веке³

1-й МГК. 1899. Лондон, Англия. (International Conference on Hybridisation and Cross-Breeding of Varieties // J. Roy. Hort. Soc. 1900. Vol. 24.)

2-й МГК. 1902. Нью-Йорк, США. (International Conference on Plant Breeding and Hybridization // Mem. Hort. Soc. NY. 1903. Vol. 1.)

3-й МГК. 1906. Лондон, Англия. (Report of the Third International Conference on Genetics. London, 1906.)

4-й МГК. 1911. Париж, Франция. (IV Conference internationale de genetique, Comptes Rendues et Rapports. Paris, 1913.)

5-й МГК. 1927. Берлин, Германия. (Ztschr. induct. Abst. Vererbungsl. 1928. Bd. 1, 2.)

6-й МГК. 1932. Итака, США. (Proceedings of the Sixth International Congress of Genetics. Brooklyn, N.Y., 1932.)

7-й МГК. 1939. Эдинбург, Шотландия. (Proceedings of the Seventh International Genetical Congress. Cambridge, 1941.)

8-й МГК. 1948. Стокгольм, Швеция. (Proceedings of the Eighth International Congress of Genetics // Hereditas. 1949. suppl.)

9-й МГК. 1953. Белладжио, Италия. (Proceedings of the 9th International Congress of Genetics // Caryologia. 1954. Vol. VI. suppl., 2 parts.)

10-й МГК. 1958. Монреаль, Канада. (Proceedings of the X International Congress of Genetics. Toronto, 1959.)

11-й МГК. 1963. Гаага, Нидерланды. (Genetics Today: Proceedings of the XI International Congress of Genetics. Oxford, 1963–1965. 3 vols.)

12-й МГК. 1968. Токио, Япония. (Proceedings of the XII International Congress of Genetics. Tokyo, 1968–1969. 3 vols.)

13-й МГК. 1973. Беркли, США (Genetics. 1974, vol. 78, № 1; 1975, vol. 79, suppl.; Abstracts: Genetics, 1973. vol. 74, № 2, part 2.)

14-й МГК. 1978. Москва, СССР. (Vol. 1: Well-Being of Mankind and Genetics; Vol. 2: Problems in General Genetics; Vol. 3: Molecular Bases of Genetic Processes. Moscow, 1980–1981.)

³ В скобках указаны издания трудов конгрессов.

- 15-й МГК. 1983. Нью-Дели, Индия. (Genetics: New Frontiers. New Delhi, 1984. 4 vols.)
 16-й МГК. 1988. Торонто, Канада. (Genome, 1989, vol. 31, № 1, 2; Abstracts: Genome, 1988. vol. 30, suppl. 1.)
 17-й МГК. 1993. Бирмингем, Англия. (Труды не публиковались.)
 18-й МГК. 1998. Бейджин, Китай. (Abstracts of 18th International Congress of Genetics. Beijing, China, 1998.)

Литература

- 1939 год: Уроки истории / В.К. Волков, Р.М. Илюхина, А.А. Кошкин и др.; АН СССР. Ин-т всеобщ. истории. М.: Мысль, 1990. 508, [1] с.
- Вопросы общей генетики: Тр. XIV Междунар. генет. конгр., Москва, 21–30 авг. 1978 г. / отв. ред. Ю.П. Алтухов. М.: Наука, 1981. 453 с.
- Гайсинович А.Е.* Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988. 424 с.
- Генетика и благосостояние человечества: Тр. XIV Междунар. генет. конгр. Москва, 21–30 авг. 1978 г. / отв. ред. М.Е. Вартанян. М.: Наука, 1981. 564 с.
- Глуценко И.Е.* На конгрессе генетиков в Канаде. М.: Знание, 1959. 32 с.
- Захаров И.А.* Краткие очерки по истории генетики. М.: Биоинформсервис, 1999. 72 с.
- Конашев М.Б.* 7-й Международный генетический конгресс в Москве и зарубежное генетическое сообщество // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. 1997. Ч. 2. М.: Янус-К, 1997. С. 110–111.
- Кременцов Н.Л.* Научный интернационализм — идеологии, покровители и сети: 7-й Международный генетический конгресс // Нестор. № 9: На переломе. Отечественная наука в конце XIX — XX века: источники, исследования, историография. Вып. 3. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 255–298.
- Левина Е.С.* Наука под прессингом системы: история несостоявшегося в Москве Международного генетического конгресса (1935–1938) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция 1998. М., 1999. С. 196–201.
- Молекулярные основы генетических процессов: Тр. XIV Междунар. генет. конгр. Москва, 21–30 авг. 1978 г. / отв. ред. С.В. Шестаков. М.: Наука, 1981. 478 с.
- Ратнер В.А.* 100 лет — 18 конгрессов! // Информационный вестник ВОГиС. 1998. № 7. С. 8–10.
- Haynes R.H.* Heritable Variation and Mutagenesis at Early International Congresses of Genetics // Genetics. 1998. Vol. 148. № 4. P. 1419–1431.
- Hybrid Conference Report. 1900 // Journal of the Royal Horticultural Society. 1900. Vol. 24. II, 1–347 p.
- Genetics Today. Proceedings of the XI International Congress of Genetics. The Hague, The Netherlands, September 1963. Oxford; London; New York; Paris: Pergamon Press, 1963. Vol. 1. Abstracts. 332 p.
- Genetics Today. Proceedings of the XI International Congress of Genetics. The Hague, The Netherlands, September 1963. Oxford; London; New York; Paris: Pergamon Press, 1963. Vol. 2. Reports, Records and Plenary Sessions. Symposi 1–13. cii, 494 p.
- Genetics Today. Proceedings of the XI International Congress of Genetics. The Hague, The Netherlands, September 1963. Oxford; London; New York; Paris: Pergamon Press, 1963. Vol. 3.
- Land B.* Evolution of a Scientist: The Two Worlds of Theodosius Dobzhansky. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1973. P. 184.
- Proceedings of the VI International Congress of Genetics. Ithaca, New York. 1932. Vol. 1: Transactions and General Addresses. Menasha, Wisconsin: Brooklyn Botanical Garden, 1932.
- Proceedings of the VI International Congress of Genetics. Ithaca, New York. 1932. Vol. 2: Condensed Articles and Descriptions of Exhibits. Menasha, Wisconsin: Brooklyn Botanical Garden, 1932. 218 p.

Proceedings of International Conference on Plant Breeding and Hybridization // Horticultural Society of New York. Memoirs, Vol. 1. 1902.

Proceedings of the VIII International Congress of Genetics. 7th–14th of July, 1948. Stockholm. Lund: Berlingska Boktryckeriet, 1949 // *Hereditas*. 1949. suppl.

Proceedings of the IX International Congress of Genetics // *Caryologia* 1954. Vol. 6. suppl., 2 parts.

Proceedings of the X International Congress of Genetics. McGill Univ., Montreal, Canada. August 20–27, 1958. Vol. 1: Papers, Lectures, Minutes, and Reports. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1959.

Proceedings of the XII International Congress of Genetics. Tokyo, Japan. August 19–28, 1968. Vol. 1: Abstracts of Contributed Papers. 354 p.

Proceedings of the XII International Congress of Genetics. Tokyo, Japan. August 19–28, 1968. Vol. 2: Abstracts of Plenary Lectures, Invited Lectures and Small Symposia. 281 p., 88 p.

Proceedings of the XII International Congress of Genetics. Tokyo, Japan. August 19–28, 1968. Vol. 3: Reports, records, plenary lectures and invited lectures. 519 p.

Proceedings of the XIII International Congress of Genetics. The University of California, Berkley, August 20–29, 1973 and The University of California, Davis, August 24, 1973. Part I. Symposia // *Genetics*. 1974. Vol. 78. № 1.

Proceedings of the XIII International Congress of Genetics. Abstracts // *Genetics*. 1973. Vol. 74. 575 p.

Proceedings of the XIII International Congress of Genetics. // *Genetics*. 1975. Vol. 79. Supplement (June). 431 p.

Proceedings of the XVI International Congress of Genetics. August 20–27, 1988, Toronto, Canada. Abstracts // *Genome*. 1988. Vol. 30. suppl. 1.

IVe Conference Internationale de Genetique. [Paris]: Masson et Cie, Éditeurs, Libraires de l'Académie de Médecine, 1913.

Report of the III International Conference 1906 on Genetics: Hybridisation (The Cross-breeding of Genera or Species), the Cross-breeding of Varieties, and General Plant-Breeding. London: Spottiswoode & Co. Ltd., 1907.

Soyfer V. Lysenko and the Tragedy of Soviet Science. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1994. xxxiv, 379 p.

Vavilov N.I. Geographische Genzetren unserer Kulturpflanzen // Verhandlungen des Vol. Internationalen Kongresses für Vererbungswissenschaft, Berlin, 1927 / Hr. von Hans Nachtsheim. Leipzig: Verlag von Gebrüder Borntraeger, 1928. Bd. I. S. 342–369.

The international genetic congresses and Soviet geneticists

MIKHAIL B. KONASHEV

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; mbkonashev@mail.ru

International genetic congresses (IGC), including their proceedings, are the original annals of the history of genetics which allow to get adequate enough notion about directions of researches, actual problems and discussions in genetics, sociopolitical and many other aspects of its development. Special interest IGC represent from the point of view of a history of the Soviet genetics. In article the history of interaction of the Soviet genetics with genetics in other countries, influence IGC on its existence and development are briefly examined.

Keywords: genetics, international congresses.